

Marine Aroshidze
Batumi Shota Rustaveli State University in Georgia

Динамика культурных кодов и проблема агностицизма в межкультурной коммуникации

Введение

Лингвистический поворот, в особенности его второй этап, инициированный философами (Р. Рорти, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер) и становление теории коммуникации во второй половине XX века привели к переходу лингвистических исследований на новый, междисциплинарный уровень: лингвистическая философия, герменевтика, психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и, конечно же, социолингвистика – вот неполный круг дисциплин, в сфере которых протекало становление антропоцентрической парадигмы, сконцентрированной на изучении языковой личности в культуре и социуме.

Цивилизационный процесс развития современного общества перешел от экономической и политической интеграции в стадию языковой и культурной глобализации; была осознана необходимость комплексного изучения языковых и социокультурных процессов в их функциональном взаимодействии в ходе исторического развития общества. В фокусе лингвистических исследований оказались многочисленные проблемы межкультурной коммуникации: культурная картина мира и макроуниверсалии, национальная специфика языковых картин мира, концепты, особенности их выражения и функционирования, культурный код, культурная память и пр. Культурная память этноса зафиксирована в многочисленных материальных памятниках, сооружениях, произведениях устного народного творчества, мифах, в текстах, архивных материалах, в художественной и специальной литературе, фотодокументах, кинофильмах, в произведениях разных видов искусства, но прежде всего она зафиксирована в языке (в лексемах, фразеологизмах, метафорах, сравнениях, прецедентах, коннотациях). Процесс социализации человека – это, прежде всего, процесс овладения культурной коллективной памятью, овладение символическим куль-

турным кодом, без знания которого невозможная успешная межкультурная коммуникация, в том числе и такая ее важнейшая разновидность, как перевод. Но нельзя забывать, что жизнь стремительно движется вперед, поколение «отцов» сменяется поколением «детей», а затем и «внуков», меняется социокультурный фон, окружающие нас реалии, причем на любые изменения, происходящие в обществе, чутко реагирует каждый национальный язык, происходит постоянное обновление культурных кодов, динамика которых была особенно интенсивной на рубеже XX и XXI веков.

Теория

Как отмечает Дж. Лакофф, «...наша концептуальная система зависит от нашего физического и культурного опыта и непосредственно связана с ними» (Лакофф 1988:48). А языковая картина мира репрезентирует этот опыт в языковых единицах, причем язык всегда чутко реагирует на любые изменения, происходящие в обществе, но, по мнению М.В. Арошидзе, «в периоды социальных бурь и потрясений, когда приобретенный этносом новый культурный опыт меняет концептуальную систему, отображенную в виде языковой картины мира, этот процесс приобретает особое значение, ибо вслед за сменой общественно-политических парадигм происходит разрушение старых мифов и конструирование новых. Закат эпохи HOMO SOVIETICUS ознаменовал собой крушение огромного количества мифов, которые в свое время создавались планомерно и целенаправленно. Был создан особый символический культурный код, которым в процессе социализации овладевало подрастающее поколение всех советских республик. Общие радости и проблемы, совместные достижения, направляемые и регулируемые централизованной властью, не просто сблизили народы всех советских республик, а повсеместно утвердили миф о создании наднациональной общности «советский народ». Шла целенаправленная работа по формированию коллективной культурной памяти, ибо коллективная память о прошлом является основой для идентификации социума; но коллективные воспоминания являют собой отнюдь не простую сумму индивидуальных воспоминаний. Культурная память общества является социокультурным конструктом, который в определенной степени поддается манипулированию. ... Наличие единого языка межнационального общения и продуманная языковая политика формировали общую концептуальную базу, вырабатывали схожие языковые формы их фиксации в разных национальных языках (например, Великая Отечественная война, совместно пережитая представителями всех советских республик, породила во всех национальных языках схожие лексемы и фразеологизмы, идентичные коннотации и прецеденты) (Арошидзе 2018:307).

Культурный код эпохи HOMO SOVIETICUS состоял из нескольких важнейших пластов, которые охватывали все стороны жизни планомерно формируе-

мой надэтнической общности «советский народ». Но «великий эксперимент» не удался, соглашение 1991 года, подписанное в Беловежской пуще, поставило окончательную точку в этом процессе: распад Советского Союза, окончание «холодной войны», самостоятельность бывших советских республик, разрушение старых устоев и формирование новой общественно-политической парадигмы. Советская парадигма ушла в прошлое, но память о ней продолжает оказывать влияние на настоящее и будущее не только стран постсоветского пространства. И вот уже на протяжении почти тридцати лет происходит формирование нового социокультурного пространства, в чем-то продолжающего национальные вековые традиции дедов и прадедов, в чем-то все еще сохраняющего влияние советской парадигмы, в чем-то уже повернутого лицом к новому – к всеобщей глобализации и интеграции. И все это приводит к существенной динамике культурного кода и к агнонимичности советских реалий для молодого поколения.

Термин агнонимы был употреблен авторами монографии «Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем)» (Морковкин, Морковкина 1997) и обозначает слова, которые мало известны или вообще неизвестны представителям данной лингвокультурной общности. Агнонимичность в межкультурной коммуникации мы понимаем как двусторонний процесс: с одной стороны – это непонимание социокультурных реалий, вызванное принадлежностью коммуникантов к разным лингвокультурам, разным этносам; с другой стороны агнонимичность наблюдается между разными поколениями одной национальности. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости исследования динамики основополагающих концептов, культурных кодов, для того, чтобы состоялся диалог разных наций и разных поколений, ибо, по выражению В.Н. Телия, «культура – своеобразная историческая память народа. И язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит ее, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее» (Телия 1999:14).

Динамика единиц, входящих в языковую картину мира, привлекла внимание многих ученых.

По утверждению Ю.М. Лотмана, каждый текст закодирован, как минимум, дважды. Прежде всего, он закодирован с помощью естественных языков (первичная моделирующая система), а затем налагаемыми на него вторичными моделирующими системами: религиозными, литературными, общественно-политическими и пр. (Лотман 1992:131).

А.В. Суперанская в своей монографии «Общая теория имени собственного» отмечает, что «ономастическое пространство состоит из множества онимических полей, которые отражают существующую у данного народа модель мира в конкретное время», но так как языковая картина мира обусловлена историей, культурой, жизненным опытом данного этноса, то в ономастическом пространстве в той или иной степени всегда отражаются элементы прежних эпох (Суперанская 1973:37). По мнению В.Б. Касевича, картина мира, закодирован-

ная средствами языковой семантики, со временем оказывается в той или иной степени пережиточной, реликтовой, лишь традиционно воспроизводящей былые оппозиции в силу естественной недоступности иного языкового инструментария; с помощью последнего создаются новые смыслы, для которых старые служат своего рода строительным материалом. Иначе говоря, возникают расхождения между архаической и семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения (Касевич 2001:71).

Обновление культурного кода – процесс постоянный, но он не означает утраты связи поколений или неспособность представителей разных культур осуществлять успешную межкультурную коммуникацию; но интенсивность его протекания бывает разной в зависимости от целого ряда общественно-политических и социокультурных явлений. Исследования динамики русской и грузинской языковых картин мира позволяют утверждать, что помимо объективных обстоятельств, вызывающих обновление отдельных подсистем национальной картины мира, иногда наблюдается искусственное ускорение данного процесса, то есть имеет место сознательное манипулирование коллективной культурной памятью, достигаемое целым рядом мер и соответствующей языковой политикой.

Основные составляющие культурного кода и методы исследования

По нашему глубокому убеждению, язык – одна из самых самобытных семиологических систем, он хранит культурные ценности – в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе. Приведем рассуждения С.Г. Тер-Минасовой по поводу того, на основании чего можно судить о национальном характере народа (который, несомненно, тесно связан с понятием культурного кода нации): «... в качестве источников, подтверждающих существование национального характера, были рассмотрены:

1. Международные анекдоты, полностью базирующиеся на стереотипных представлениях о том или ином народе;
2. Национальная классическая литература, несколько «подпорченная» как источник индивидуальным авторством и субъективным взглядом на мир;
3. Фольклор, или устное народное творчество, как наиболее надежный из всех перечисленных выше источник сведений о национальном характере;
4. Последним по порядку, но отнюдь не по значению (*last, but not least*), самым надежным и научно приемлемым свидетельством существования

национального характера является Его Величество национальный язык. Язык и отражает, и формирует характер своего носителя, это самый объективный показатель народного характера (Тер-Минасова 2008:145-146).

Анализ русского и грузинского культурных кодов мы осуществили по нескольким направлениям: самым точным «показателем» культурного кода нации является, безусловно, фольклор (сказки, пословицы, поговорки) и входящий в него жанр городского фольклора – анекдоты, но так как нас интересовала динамика кода, мы рассматривали модификации фольклорных текстов, в первую очередь анекдотов, в разные исторические периоды (в первую очередь нас интересовали изменения культурного кода, произошедшие в советский и постсоветский периоды). Особый интерес вызвали басни, в которых высок удельный вес коннотативных значений. Национальная классическая литература дает богатый материал для рассуждений о динамике культурных кодов, в первую очередь это касается прецедентных имен, зоонимов, прецедентных высказываний, текстов. Нельзя забывать и о национальном этикете, отражающем не только культурные константы нации, но и веяния времени. И, конечно же, среди разнообразного текстового тезауруса самым «оперативным» жанром, отражающим любые значимые для жизни этноса изменения, являются медиа-тексты, в которых языковая игра достигла небывалых размеров, а ее интерпретация требует от читателя большого объема фоновых знаний социо-культурного характера.

Исследования языковых воплощений русского и грузинского семиотического универсума советского и постсоветского периода позволили нам выделить несколько важнейших пластов агнонимичной лексики и причины ее архаизации:

1. архаизация лексики в результате утраты материальных объектов и изменившейся социально-политической структуры общества;
2. изменение коннотативного значения лексем, клишированных выражений;
3. динамика этикетных формул и обращений;
4. городские «палимпсесты» (переименования улиц и площадей);
5. забвение прецедентных имен предыдущей эпохи и тиражирование в средствах массовой информации новых персоналий;
6. модификация фольклорных текстов применительно к новым общественно-политическим реалиям;
7. целенаправленное создание текстового нарратива в средствах массовой информации;
8. реалии массовой культуры и пр.

Этот перечень далеко не исчерпывает лингво-социо-культурологических проблем, которые непосредственно связаны с проблемами взаимопонимания

между представителями разных этносов и разных поколений, тем не менее, они прекрасно демонстрируют ставшей уже аксиоматичной связь языка, социума и культуры. В нашем исследовании мы использовали общенаучные методы (компонентный/контекстуальный анализ описательного метода, синтез, анализ и пр.), классические методы лингвистических исследований (сравнительно-сопоставительный анализ, синхронное и диахронное описание языковых явлений, синтагматика и парадигматика системных единиц и пр.) и современные коммуникативные методы лингвистического анализа (семиотический анализ, прагматический анализ, дискурс-анализ, опрос/интервью/анкетирование и пр.).

Полученные данные

Динамика русского и грузинского культурных кодов освещена нами в целом ряде статей (Арошидзе М. «Речевой этикет как отражение истории народа», «Роль языка и переводов в создании мифов»; Арошидзе М., Дзагания И. «Праздники как составная часть коллективной памяти и проблемы межкультурного общения», «Креолизованные тексты в межкультурной коммуникации»; Арошидзе М., Арошидзе Н. «Художественный текст как культурный код нации и проблемы его перевода», «Культурная память глазами филолога» и др.), поэтому в рамках данной статьи мы приведем лишь наиболее интересные явления.

Архаизация лексики в результате утраты материальных объектов и изменения социально-политической структуры общества – процесс систематический, именно лексика, в первую очередь, отражает новые явления, происходящие в жизни данного народа, но в периоды социальных бурь и резких потрясений обновление символического универсема происходит в ускоренном темпе во всех сферах жизни общества. Для русской языковой картины мира роль такого ускорителя сыграла Великая октябрьская социалистическая революция, изменившая весь уклад жизни жителей Российской империи, а затем уже последующие за ней события – страшным был процесс становления социализма: гражданская война, раскулачивание, насильственная коллективизация, Голодомор, репрессии, насильственная депортация народов, Великая Отечественная война, длительная экономическая разруха и нищета, архипелаг Гулаг, международные проблемы периода перестройки, мировой терроризм и техногенные катаклизмы на фоне распада огромной советской империи и всего социалистического лагеря. Строительство социализма, охватившее сначала 15 входящих в СССР республик, а затем страны социалистического лагеря, стремление сформировать особую надэтническую общность «советский народ» вылилось в продуманную языковую политику.

На «корабле революции», плывущим в штормовую погоду среди огромных волн капиталистического окружения, изменили абсолютно все существующие

социальные структуры, наименования должностей, обращения: вместо *департаментов и министерств* появились *комиссариаты*, вместо *министров* – *комиссары*, *политработники*, *политруки*. Даже попытались найти замену слову *учитель* (во времена Макаренко существовало недолговечное сокращение – *шкраб* (школьный работник), которое не прижилось. В период «развитого социализма» *комиссары* и *политработники* ушли в прошлое, сначала возникло огромное множество всевозможных комитетов (*райком, обком, исполком*) и вновь вернулись *министерства* и *министры* (неблагозвучные *шкрабы* были изгнаны из языка еще раньше). Послереволюционный период характеризовался очень высоким уровнем словотворчества, но многие слова, аббревиатуры, выражения того периода стали «однодневками» и очень быстро архаизировались в силу стремительно меняющейся политической и экономической обстановки: *НЭП* (новая экономическая политика), *нэпман*, *продразверстка*, *продналог*, кулак – *раскулачивание* и пр. Часто можно было наблюдать расширение или сужение семантического значения лексем, возникновение нехарактерных ранее коннотаций (*офицер, пионер, гражданин* и пр.). Эти процессы достаточно широко освещались в научной литературе (см. В.Н. Алексеева 2016), нас же интересует целостная картина поступательной динамики, причем советский период мы условно делим на несколько важных пластов:

1. дореволюционный период;
2. советский период:
 - а) послереволюционный период и начальный этап строительства социализма;
 - б) период Великой Отечественной войны;
 - в) строительство развитого социализма;
 - г) период перестройки;
3. постсоветский период.

Так слово *пионер* испытало сначала сужение, утратив устаревшее значение, характерное для Российского государства до 30-ых годов XIX века: «солдат саперной части инженерных войск»; затем с 1922 года, когда была создана Всесоюзная пионерская организация имени В.И. Ленина, это слово стало одним из советизмов; постсоветская действительность превратила его в историзм, который уже агнонимичен в данном значении современной молодежи, хотя по-прежнему сохраняется в значениях: «*тот, кто впервые проник в новую, неисследованную страну или местность и осваивает ее*» и «*тот, кто положил начало чему-либо новому в области науки, культуры или в иной сфере деятельности*» (Ефремова – дата доступа 15.02.19 <https://gufo.me/search?term=%D0%BF%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80>).

В результате целенаправленной языковой политики («русский как второй родной язык») и манипулирования коллективной культурной памятью скла-

дывалось единое культурное пространство, которое было представлено тремя пластами единиц:

1. макроуниверсалии, имеющие широкий ареал функционирования и встречающиеся в большом количестве культур, с точки зрения прагматики перевода данные реалии не нуждаются в эксплицировании и в прагматической адаптации (*Гитлер, вторая мировая война, фашисты* и пр.);
2. региональные универсалии геополитического характера, которые, в свою очередь, представлены двумя пластами единиц:
 - а) реалии, отражающие географические особенности региона, схожий быт (*Кавказ, бурка, бурдюк* и пр.);
 - б) реалии, отражающие особенности общественно-политической общности (советизмы: *октябренок, пионер, комсомолец* и пр.);
3. этнические реалии, характеризующие национальную самобытность данной лингвокультурной общности и представляющие особые проблемы в процессе межкультурной коммуникации (русские реалии и персоналии: *банька по-черному, лучина, стрельцы, гусары, Минин и Пожарский, Обломов* и пр.);
4. грузинские реалии и персоналии: *чури, чурчхела, Давид Строитель, Мицхета, Илия, Луарсаб* и пр.).

Мы считаем, что высокие темпы динамики затронули, в первую очередь, именно общественно-политические реалии, но темпы осуществления научно-технической революции привели к появлению пластов агнонимичной лексики и в других группах. В качестве примера, рассмотрим агнонимичность советизмов, характерных для творчества Владимира Высоцкого, свидетельствующих о том, что сравнительно небольшие по объему произведения барда представляли собой большую проблему для переводчиков так как были насыщены большим объемом имплицитной информации, актуализаторами которой в тексте являются заголовки, посвящения, ключевые слова, эллиптические конструкции и пр. Как отмечают М. Арошидзе и Н. Арошидзе, «тропы, вырванные из контекста его (Высоцкого) стихотворений-признаний тускнеют, теряют свою силу, нейтрализуют заложенный в них глубинный подтекст. Только весь текст в единстве с необходимым минимумом фоновых знаний (о поэте, о времени...) дает представление о языке поэзии Высоцкого» (Арошидзе, Арошидзе 2015:117).

Для англоязычных читателей, современников Высоцкого, восприятие его текстов было весьма затруднено в силу непонимания многих реалий, составляющих символический универсум эпохи *Homo Sovieticus*, поэтому переводы Сергея Роя сопровождалась многочисленными комментариями и сносками: *банька по-черному, банька по-белому, спекулянт, доцент, поездка на картошку, лесоповал (имелись ввиду лагеря), засаленная трешка, сообразить на троих*. Неудивительно, что такая яркая черта советского послевоенного быта, как коммунальная система хозяйств требовала дополнительных пояснений:

*Все жили вровень, скромно так –
Система коридорная,
На тридцать восемь комнаток –
Всего одна уборная (1987:98).*

*Here, everyone lived modestly,
In comfort somewhat dubious:
There was just one amenity –
One loo to forty cubicles (1987:99).*

Термин – межкультурная коммуникация – не всегда означает общение между представителями разных лингвокультур, что подтверждается высоким удельным весом одинаковых реалий и схожих языковых единиц их воплощения в разных национальных языках советских республик. Именно поэтому, в отличие от Сергея Роя, коллеги-переводчица, Тинатин Шиошвили, при переводе стихов Высоцкого на грузинский язык вообще не давала никаких пояснений и сносок, ибо принадлежала к поколению, выросшему в Советской Грузии среди схожих реалий (Шиошвили <http://www.wysotsky.com/1079.htm> – дата доступа 15.02.19). Стремительное изменение общественно-политической парадигмы в Грузии, очередной виток технического прогресса, глобальные социально-экономические изменения общества, информационный бум, серьезные миграционные процессы конца XXв.-начала XXI в. – все эти обстоятельства ускорили процесс обновления лингвокультурной парадигмы, резко возросла агнонимичность культурных прецедентов, передаваемых от поколения к поколению. В Батумском государственном университете Шота Руставели с целью выявления агнонимичности данных лексем и выражений был проведен опрос двух возрастных групп: I группа состояла из 40 студентов в возрасте от 19 до 35 лет; II группа состояла из 70 человек в возрасте от 40 до 60 лет. Испытуемым предлагали список реалий, встречающихся в произведениях Высоцкого, и просили объяснить их значение. Полученные данные представлены в следующей таблице:

	Советизмы, клише, прецедентные единицы	понятные	%	агнонимичные	%
1	засаленная трешка	4	10 %	36	90 %
2	сообразить на троих	3	7,5 %	36	92,5 %
3	коммуналка	8	20 %	32	80 %
4	Отец родной	2	5 %	38	95 %
5	особист	0	0 %	40	100 %
6	ежовщина	0	0 %	40	100 %
7	послать академиков на картошку	0	0 %	40	100 %

8	пластиночки на ребрах	0	0 %	40	100 %
9	петля в Англетере	0	0 %	40	100 %
10	Макарыч	0	0 %	40	100 %

Первая группа испытуемых (от 19 до 35 лет) – 40 студентов

	Советизмы, клише, прецедентные единицы	понятные	агнонимичные	%	%
1	засаленная трешка	43	71,7 %	17	28,3 %
2	сообразить на троих	48	80 %	12	20 %
3	коммуналка	52	86,7 %	8	13,3 %
4	Отец родной	31	51,6 %	29	48,4 %
5	особист	22	36,7 %	38	63,3 %
6	ежовщина	18	30 %	42	70 %
7	послать академиков на картошку	25	41,7 %	36	58,3 %
8	пластиночки на ребрах	6	10 %	54	90 %
9	петля в Англетере	4	6,7 %	56	93,3 %
10	Макарыч	2	3,3 %	58	96,7 %

Вторая группа испытуемых (от 35 до 60 лет) – 60 испытуемых

Интересно отметить, что поколения, выросшие в Советском Союзе, все еще сохраняют память о советских реалиях, но в большей степени о бытовых (*коммуналка, засаленная трешка, сообразить на троих*), общественно-политические реалии сохранились лучше в памяти мужчин (*особист, ежовщина, Отец родной*, т.е. Сталин); литературно-художественные реалии (*петля в Англитере*, на которой повесился С. Есенин, *Макарыч*, обращение к В. Шукшину). *Академиков, убирающих картошку* (в Грузии студентов посылали собирать мандарины в окрестные совхозы) в силу массовости этого явления и большого количества советских фильмов, все еще помнят, а вот самодельные *пластиночки на ребрах* с запрещенными стихами Высоцкого, которые делали из старых рентгеновских листов, вспомнили лишь единицы. Полученные данные свидетельствуют о том, что за последние 30 лет произошло не просто обновление культурного кода Homo Sovieticus, а его стремительная архаизация и разрушение в языковом сознании молодого поколения (рожденные в конце 80-ых – начале 90-ых годов).

Динамика культурных кодов в рамках исследуемых этапов четко прослеживается на материале сложившейся в языке и речи системы устойчивых выражений – формул речевого этикета, используемых в ситуациях обращения, приветствия, прощания, одобрения и многих других. Являясь элементом национальной культуры, речевой этикет отличается яркой национальной спецификой, которая была сохранена в грузинском языке даже после советизации

Грузии и «выстояла» под давлением новых «революционных» форм обращения. Вместе с упразднением привилегированных классов общества были упразднены и обращения типа *Господин! Госпожа! Господа! Сударь! Сударыня!* Символом равноправия всех членов социалистического общества стали обращения *Товарищ* (и по отношению к мужчине, и по отношению к женщине). *Дорогие товарищи!* В противовес этим обращениям по отношению к незнакомым людям стали употреблять обращения: *Гражданин! Гражданка! Граждане!* Но позже по ряду причин эти обращения приобрели негативную коннотацию, прежде всего это было связано с активным употреблением этих форм в юстиции: в милиции, в суде. Грузинский язык в этом плане оказался намного более гибким (также как и польский): проверенные веками грузинские этикетные вежливые формы *batono* и *kalbatono* «выстояли», были сохранены, несмотря на появившийся аналог обращения *товарищ* – *amkhanago* и употреблялись во всех официально-деловых документах разного ранга и уровня. Это оказалось особенно удобно в период перестройки, когда русский язык, пытаясь идти в ногу со временем, подбирал разные виды обращений, вновь вернулись *Сударь! Сударыня!* Но эти слова не прижились ни в бытовом, ни в официальном дискурсе. Общественность долго привыкала к обращениям, от которых в свое время отказалась, к *дамам и господам*, причем формы множественного числа прижились относительно быстро в период перестройки благодаря привычке Михаила Горбачева обращаться к присутствующим следующим образом: *«Дорогие товарищи! Дамы и господа!»* Не случайно в «Аргументах и фактах» появляется интересная статья под очень характерным заголовком: *Уже не товарищи, еще не господа!* (1998, №46).

В процессе анализа роли языковых единиц в оформлении культурных концептов, входящих в когнитивную базу данной лингвокультурной общности мы заинтересовались семиотическим механизмом, закрепляющим за знаком целый ряд ситуативно обусловленных значений, причем в разные исторические эпохи и в разных типах дискурса эти значения варьируются, в качестве примера можно проследить изменение символики цветообозначений в разные периоды жизни русского общества: *зеленый шум – молодо зелено – зеленые наступают – зеленый свет – новые требования зеленых – всем нужны «зеленые» – зеленые береты – зеленые человечки.*

Рамки данной статьи ограничивают возможность на конкретных примерах продемонстрировать интересные случаи манипулирования коллективной культурной памятью, когда в средствах массовой информации происходит целенаправленное создание текстового нарратива на «заданную тему», сопровождаемое забвением прецедентных имен предыдущей эпохи и тиражированием новых персоналий; интересны также случаи модификации фольклорных тестов применительно к новым общественно-политическим реалиям (см. вышеуказанные статьи).

Заключение

Исследование динамики культурных кодов в разных общественно-политических условиях и проблемы агнонимичности в межкультурной коммуникации позволяет подвести следующие итоги: коллективная память о совместном прошлом – основа идентификации социума, а язык, как истинный летописец, фиксирует все в своей языковой картине мира. Информативная ценность коммуникативной единицы определяется не только ее соотнесенностью с конкретным денотатом, но и специфическим эмоционально-эстетическим отношением к ней носителей языка, теми разнообразными ассоциациями, которые эта единица вызывает в данной лингво-культурной общности. Принадлежность коммуникантов к одной лингво-культурной общности облегчает адресату процесс «развертывания» информации, содержащейся в имплицитной конструкции. Одинаковый образ жизни, социальные стереотипы, привычные коннотации, схожие фоновые знания позволяют легко понять коммуникативные намерения автора. Но нельзя забывать и о том, что лингво-культурная общность может быть сформирована не только на основе этнической идентичности, но и в результате общественно-политического образования (надэтническая общность «советский народ»). Тесная взаимосвязь языковых и социокультурных процессов в ходе исторического развития общества диктует необходимость их комплексного изучения, что подтверждается невозможностью рассмотрения целого ряда важнейших языковых явлений в отрыве от условий функционирования общества, развития его культуры, тем более, что в силу целого ряда причин некоторые исторические этапы развития мирового сообщества характеризуются повышенными темпами обновления культурной парадигмы. В условиях всеобщей глобализации важнейшее значение для мирового сообщества приобретает практический вопрос о «коммуникативном» сосуществовании представителей разных культур и носителей разных языков, которые перед лицом глобальных угроз просто обязаны научиться слушать и глубоко понимать идеи и позиции друг друга, с учетом постоянного обновления культурных кодов.

REFERENCES

- 1) Аргументы и факты. Уже не товарищи, еще не господа. 1998, №46.
- 2) Алексеева В.Н. Ассоциативное поле советизмов 1920-30-ых годов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ярославль. 2016. http://usru.org/images/7/75/Диссертация_В.Н._Алексеева.pdf- дата доступа 15.02.19.
- 3) Арошидзе М., Арошидзе Н. Художественный текст как культурный код нации и проблемы его перевода. Международная научно-практическая конференция (Ульяновск, 20 января 2015 г.) «Современные технологии обучения иностранным языкам», стр.117-122. Россия, Ульяновск, 2015.
- 4) Aroshidze M. The Role of Language Creating Myths. Международный университетский семинар – Балканистический форум. XXVI Международный круглый стол “Разрушение мира ... Новый мир”. Благоевград, 27-28.04.2017.

- 5) Арошидзе М. Культурная память глазами филолога. *Cross Cultural Studies: Education and Science. Middlebury College. Vermont. USA. Vol.3, Issue I, p.59-68. 2018.*
- 6) Арошидзе М., Дзаганя И. Праздники как составная часть коллективной памяти и проблемы межкультурного общения. *Szkice Slawistyczne. P. 319-325. Olsztyn. 2017.*
- 7) Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика [Текст]. М.: Прогресс. 1989.
- 8) Высоцкий В.В. Стихотворения (на рус. и англ. языках). Перевод С.Роя. - М., 1987.
- 9) Высоцкий В.В. Стихотворения (на грузинском языке). Перевод Т. Шиошвили <http://www.wysotsky.com/1079.htm> – дата доступа 15.02.19.
- 10) Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн. 1992.
- 11) Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
- 12) Телия В. Основные постулаты лингвокультурологии // *Филология и культура. Тамбов, 1999.*
- 13) Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Ter/_Index.php.
- 14) Толковый словарь русского языка. Под ред. Т.Ф.Ефремовой. М., 2000. <https://gufo.me/search?term=%D0%BF%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D1%80> – дата доступа 15.02.19.
- 15) Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. Москва, Издательство «Наука», 1973.

Dynamics of Cultural Codes and Problem of their Agnonyimity in Cross-cultural Communication

Abstract : The study of dynamic codes in various social and legal conditions and the problems of agnonyimity in intercultural communication allow us to automatically assert that collective memory and a common past are the basis of socialism, language, as a true chronicler, records everything in its linguistic picture of the world. The informative value of a communicative unit is determined not only by its correlations with a specific denotate, but also by the specific emotional-aesthetic attitude of native speakers towards it, which are uniform manifestations in a given linguistic and cultural community. The scientific and technological revolution accelerates the processes leading to agnonyimity (dynamics of vocabulary and connotative meanings, dynamics of printed forms, urban palimpsests, text modifications, etc.).

Keywords: cultural code, collective memory, cross-cultural communication, agnonyimity of concepts, renewal of the linguocultural paradigm